

Новому русскому кукла не досталась

Кукловоды хорошо знают, кто дергает за ниточки

– НА МЕСТЕ вишневого сада построили дачи, присвоили речные берега, – худрук Мытищинского театра «Огниво» народный артист России Станислав Железкин в дни работы фестиваля «Ковчег» предъявляет Лопахиным счет по событиям не театральной, а реальной, мытищинской, действительности.

Между тем Лопахин у мытищинцев человек симпатичный, деятельный. «Но что он сделал? – уточняет Станислав Железкин. – Цель ставил благую, а что сделал, каким путем пошел – разрушительным». Кажется, наш маленький спор о роли Лопахиных и Раневских за кулисами неразрешим: мои доводы о предприимчивости и инициативности молодого предпринимателя рассыпаются перед вопросом худрука – чем заменить нравственную основу мира Раневских, разбитую Лопахиными. Одна из последних сцен «Вишневого сада» страшна. После продажи сада члены семьи прощаются – как видно, навсегда. Куклы, играющие Раневскую и Гаева, бросаются друг к другу в объятия, их разнимают, а на деле – растаскивают, они бьются, вырываются, но их заталкивают в саквояжи-гробы.

Размер кукол в чеховском «Вишневом саду» в постановке Олега Жюгжды словно указывает на их роль в «театре» российской жизни: у старших персонажей они почти в рост человека, у остальных – по убывающей. Старый марионетка-Фирс едва виден над полом, зато над ним протянуты нити. Станислав Железкин, управлявший куклой, утверждает: эти нити на кукловоде не кончаются – они ведут к Богу. И только Лопахину куклы вовсе не достались: на нем клеймо нового русского.

Справедливо ли? Сколько раз этот новый русский пытается найти общий

язык с «бывшими», а они, не слыша его, вздыхают: ах, сад, ах, прошлое... Может, в том и беда наша российская, что нет диалога между сословиями? Театр на вечные вопросы ответов не дает – его задача их ставить. И если международный фестиваль театров кукол «Ковчег» начинал с общечеловеческих вопросов, то под занавес звенящей нотой прозвучал российский: когда найдем общий язык и найдем ли?

Магнитогорские «буратиновцы» признаются: смотрели спектакль с замиранием сердца – лет десять назад многие были заняты в ларинской постановке «Вишневого сада». Зинаида Жданова трепетала, глядя на Шарлотту, – на сцене «Буратино» ей тоже досталась эта роль: «Даже текст родной». После спектакля в гримерке – рассказы, воспоминания: Станислав Железкин хорошо помнит «Буратино» – «первого созыва». Мытищинцы рассказывают: районная администрация их холит и лелеет – обеспечила зданием, современным оборудованием, жильем, за пятнадцать лет восемьдесят два раза направила за рубеж. Есть в городе даже свой международный фестиваль «Чай-питие в Мытищах» – по полторы сотни человек собирают на целую неделю, так что каждый не только себя покажет, но и других посмотрит. Порадоваться за мытищинцев, но и позавидовать: магнитке не по карману приглашать гостей на весь фестивальный период.

И все же – «Ковчег» состоялся, и если в кукольном мире нити ведут в небо, то есть надежда, что и человеческая связь с высоким не потеряна. На прощание с «Ковчегом» магнитогорский театр кукол и актера «Буратино» покажет «Муху-цокотуху» в постановке заслуженного артиста России Александра Анкудинова. Она тоже о вечном – о мелких страстях и большом сердце ☺

АЛЛА КАНЬШИНА
ФОТО > ДМИТРИЙ РУХМАЛЕВ

Он живой и светится

ВОЛШЕБСТВО

«МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ не используется», – по знакомству шепнули зрителям фестиваля «Ковчег» перед спектаклем болгарского театра «Слон». В дни, когда технический прогресс способен любое волшебство превратить в научно обоснованный факт, приходится акцентировать внимание зрителя на рукотворности чудес.

Чудеса были из разряда вечных – светящиеся фигуры, движущиеся звездочки, контуры старых зданий, сливающиеся в одну линию, силуэты городского пейзажа. Ни одного слова, только музыка, пластика сияющих очертаний в полной темноте и тени на фоне света в «Волшебном фэртоне» по поэме Константы Галчинского.

На первый взгляд, светотехническое шоу. Но искушенные театралы уже успели сравнить сценические языки «Волшебного фэртоне» и «Песен дождя» омского театра пластической драмы «ЧелоВЕК». Правда, с оговоркой о недостижимости планки омичей, но все же очень благосклонно по отношению к работе болгарской труппы.

Второкласска Марина Горонкова взахлеб объясняла корреспонденту «ММ», что произошло на сцене: фокус, превращение, волшебство – и обещала дома повторить полеты ленты и дождь из конфетти. А молодой специалист казначейства ОАО «ММК» Юлия Липатникова ищет в спектакле глубинные смыслы и архетипы. Обе правы: это взрослым требуется тысяча ненужных вещей для счастья, а в детстве для его достижения достаточно прикоснуться к тайне мироздания – видеть брызги воды или игру света. Об этом и спектакль – об ощущении красоты и счастья, с которым человек рождается.

Болгарские артисты работали над постановкой два года. Признаются, что вообще подолгу шлифуют материал, но и живет он у них подолгу. «Слону» уже двадцать лет, и столько же времени собирает аншлаги его «Винни-Пух». А родился театр как первый в стране экономически самостоятельный. Никаких дотаций и спонсоров. Правда, артисты сетуют, что в трудные времена в выборе между заработком лицедеев и финансированием театра приоритет остается за последним и что трудные времена никогда не проходят. Но почти тридцать призов международных фестивалей – весомая компенсация трудностям.

Болгарская труппа во главе с главрежем Мирославом Цветановым равнодушна к «Ковчегу». Во-первых, за редкую для международных фестивалей память: по многолетним наблюдениям их организаторы легко забывают обещание пригласить в следующем сезоне. Но только не оргкомитет «Ковчег». Во-вторых, за конкретную помощь: фестиваль помог «Слону» приобрести билеты до Москвы.

...Театр пустеет. На сцене уже стоит пылесос: все, что фонтанировало и волшебю переливалось в темноте, после спектакля оказалось просто бумажными лоскутками. Если только это не начало второго акта, где лоскутки завихряют в воздушной струе пылесоса. Но это – какими глазами смотреть.

АЛЛА КАНЬШИНА

В трудные времена в выборе между заработком лицедеев и финансированием театра приоритет остался за последним